

ПРОБЛЕМА ОГРАНИЧЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»
(70-е — начало 80-х гг. XIX в.)

В.А. Кутаев

Нам уже приходилось писать о разработке конституционного вопроса в «Вестнике Европы» на рубеже 1860–1870-х гг., имея в виду исключительно европейский аспект этой темы¹. Разумеется, только часть «конституционной» публицистики «Вестника Европы» пребывала «в гостях» (если оттолкнуться от названия статьи А.С. Суворина «В гостях и дома», опубликованной в журнале в 1870 г.). Наибольший же интерес, конечно, представляет то, как выглядел конституционализм журнала в приложении к «домашним» условиям. В этом случае подцензурное издание не могло уже позволить себе той свободы высказывания, которой отличались экскурсии в политическую жизнь стран Западной Европы. Но те суждения, что счастливо миновали цензурные препоны, вместе с запрещенными материалами, сохранившимися в архиве редакции, требуют самого пристального внимания.

Пожалуй, самой значительной публикацией «Вестника Европы» на внутривнутриполитическую тему в 1871–1872 гг. явился цикл статей А.А. Головачева «Десять лет реформ». В них не было и тени идеализации преобразований 60-х гг. Один из активных участников «тверской оппозиции» жестко критиковал их, предпочитая говорить не о частных упущениях реформаторов, а об органических пороках новых учреждений, появившихся в России. Головачев указывал на «недостаток ясно сознанных начал государственного управления», на «недоверие к обществу и опасение, что оно будет злоупотреблять своей свободой, если ему предоставить более обширные права и избавить от особого надзора администрации». Говорилось и о «неправильном взгляде на способ определения круга деятельности центральной администрации и органов самоуправления»². По мнению Головачева, следовало приступать к «новому периоду реформ», установив прежде всего для них «общие начала». Обновление «общих начал», «коренное преобразование условий общественной жизни» — все это слова, конституционный смысл которых вряд ли может быть поставлен под сомнение.

Конституционный подтекст прочитывается и в статье Л.А. Полонского «Государственные идеи Петра Великого и их судьба» (ею журнал откликнулся на отмечавшийся в 1872 г. двухсотлетний юбилей первого российского императора). Автора никак нельзя было упрекнуть в недостатке апологетического воодушевления в отношении Петра, чего, собственно, и требовал случай. Но статья была пронизана духом оппозиционности к той системе бюрократической централизации, которая укреплялась в России на протяжении XVIII – первой половины XIX в. Вина за ее создание целиком возлагалась Полонским на преемников великого реформатора. Сам же Петр предстал в статье «первым европейским государем» в России, признавшим, что утвержденный им закон стоит выше его собственной воли, огра-

ничивает ее. Самых высоких похвал удостоился петровский Сенат, который, «будучи подчинен самодержавной власти, действовал и вне ее, как самостоятельный, высший орган управления, соединяя в себе атрибуты нынешних государственного совета, комитета министров и судебного сената». Учреждение подобного органа, подчеркивал Полонский, «представляло такой шаг, с которым не может сравниться ни одно из последовавших когда-либо после Петра преобразований в сфере высшего управления государством» (1872. № 6. С. 781). Как «гений, произведенный русской землей», Петр не только не отступил назад от мысли Ивана IV, но дал ей «более общее и широкое применение». «В самом деле, — писал Полонский, — выборное губное управление ограничивало власть воевод собственно по судебным и денежным делам. Петр же основал все управление губерниею на выборном начале» (там же, с. 783).

Цензура чутко отреагировала на «вредную тенденциозность» статьи Полонского, усмотрев в ней сожаление по поводу того, что земство в послепетровский период оказалось устраненным «от прямого участия в государственных делах»³.

«Вестник Европы» не мог удовлетвориться только общими и вынужденно туманными заявлениями конституционного свойства. Проблема политической реформы к началу 70-х гг. находилась отнюдь не в эмбриональном состоянии. Дворянский конституционализм, поднявший голову в 60-е гг., еще не изжил себя. В журнале были безусловно хорошо осведомлены о течениях правительственного конституционализма. «Вестнику Европы» предстояло определить свое отношение к этим проявлениям. Нельзя было уйти и от обсуждения вопроса об условиях, необходимых для введения представительных начал в России, и о том, с чего, собственно, должен начаться этот процесс.

Появление в 1874 г. книги известного консерватора Р.А. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» несомненно способствовало уточнению взгляда «Вестника Европы» на перспективу политических преобразований. Фадеевская программа передачи местного самоуправления в руки цензового дворянства⁴ встретила в журнале резкий отпор. Полемике с Фадеевым было посвящено все «Внутреннее обозрение» январской книжки 1875 г.

Подобный план, полагал Полонский, мог возникнуть только с «задними мыслями», а его осуществление привело бы к утверждению худшей из всех систем управления — «посредством ближних бояр». Как и К.Д. Кавелин, также полемизировавший с Фадеевым, обозреватель «Вестника Европы» увидел в рассуждениях о необходимости доминирования дворянского «культурного слоя» призрак олигархической конституции. Для принципиального противника сословности во всех ее проявлениях такой вариант ограничения самодержавной власти был неприемлем. «Напрасно думать, что наш "воспитательный период" кончился, — писал Полонский. — Автор говорит о "крыльях", о реальных партиях, которых у нас, разбитых на единицы, нет, Но когда явится сознание в более значительной, чем ныне, массе людей, когда культурный слой далеко перерастет пределы служащего, зависимого класса, тогда возникнут и реальные партии в общеевропейском смысле. До того времени, пока выступит сознательная сила из самого народа, в помощь драгоценным и лучшим намерениям верховной власти, до тех пор ей и впредь придется действовать одной» (1875. № 1. С. 403). Из этих слов совершенно ясно, что Полонский не видел в России условий для введения полноценной, демократической конституции.

Важно отметить, что противостоя опасности политической гегемонии дворянства, либерал Полонский не собирался тем самым расчищать путь к власти для

буржуазии. Она и не создала, по его мнению, в той же Франции ничего прочного, потому что не сумела отказаться от сословного принципа. «Что представляет нынешняя Франция? — писал он. — Вражду большинства "культурных классов" к народной массе, которая именно потому на их парламентскую монархию и республику и готова ответить бонапартизмом или коммуной» (там же, с. 381).

Самый смелый для себя и одновременно самый определенный шаг в обозначении своей позиции «Вестник Европы» попытался сделать в январском номере 1876 г. Мы имеем в виду статью Л.А. Полонского «Реформа и система», которая заняла в этой книжке место «Внутреннего обозрения». Она не дошла до читателя, будучи вырезанной из номера по требованию цензуры. С.-Петербургский цензурный комитет посчитал это выступление журнала «вредным», так как речь шла здесь о «придании земским учреждениям политического значения» и необходимости «коренных изменений в высших государственных учреждениях»⁵.

Прозвучавшая в начале статьи Полонского мысль о том, что реформам и государственным учреждениям не хватает «строгой системы», была не нова. Об этом недостатке вполне внятно сказал уже А.А. Головачев. Но в отличие от него Полонский решил предложить конкретную программу реформирования органов государственной власти снизу доверху. Начав с уездного уровня, он высказался за соединение здесь коронной и земской властей. «Только слиянием обеих властей в уезде, — писал Полонский, — можно придать жизнь уездному земству, которое и есть корень земства, действительный очаг реальной его деятельности»⁶. Эту связь земской и правительственной властей надлежало осуществить и в губернии. Полонский предлагал объединить в один орган губернское правление, присутствие по крестьянским делам и губернскую земскую управу. Однако «приведения земских учреждений в связь с порядком местного управления в уезде и губернии» было недостаточно для того, чтобы «установить действительную связь, полную и прочную систему всех сделанных преобразований». Для этого требовались «некоторые изменения» и в высших государственных учреждениях.

Самым «щекотливым», конечно, оказывался вопрос о связи губернских земств с «собранием, вырабатывающим законы», т. е. с Государственным советом. Полонскому хотелось, чтобы «земский ценз уже получил значение политического». Но при этом правительственная власть не должна была ни на йоту поступиться «полнотой политической прерогативы». Напомнив о давней идее М.М. Сперанского ввести в систему высших учреждений Государственную думу из выборных от губернских собраний, он оценил ее как малопригодную даже для настоящего времени. Что же конкретно предлагалось Полонским? Он говорил о желательности включения в Государственный совет членов от земства. К ним могли быть присоединены также председатели кассационных департаментов Сената и Петербургской судебной палаты. Губернские земства избирали бы только двух или трех кандидатов, из которых один становился членом государственного совета на три года по назначению властью⁷.

Пресеченная цензурой «конституционная» вылазка «Вестника Европы» была, в сущности, весьма невинной, ибо проект Полонского не выходил из рамок того, что принято называть «правительственным конституционализмом» 1860–1870-х гг. Ф.А. Петров уже отмечал определенную связь предложений либерального публициста с идеями П.А. Валуева о подключении к Государственному совету достаточно широкого представительства от губернских земских собраний. Еще большая близость обнаруживается при сравнении варианта введения земских де-

путатов в Государственный совет, выдвинутого Полонским, с проектом государственных реформ Д.А. Милютина, который относится к 1879 г.⁸

Ровно через три года Полонский предпринял еще одну попытку обстоятельно высказаться на конституционную тему. Не ошибемся, если скажем, что главным стимулом к этому шагу послужило заметно активизировавшееся в 1878 г. революционное движение. Отреагировав на этот факт прямой полемикой с первым номером подпольной «Земли и воли», которая заняла «Внутреннее обозрение» декабрьской книжки 1878 г., «Вестник Европы», теперь уже в роли безусловного союзника власти по борьбе с террористическим радикализмом, тут же попытался подтолкнуть ее в направлении конституционных уступок. Они, по мнению журнала, были необходимы для того, чтобы зрелая, умеренная часть общества «говорила прямо от своего лица» и сделалась бы «верным пособником» власти. В первом же «Внутреннем обозрении» 1879 г., о котором мы говорим, Полонский формулировал мысль: лучше искренняя, сделанная по собственному побуждению уступка, нежели «захват», потому что только в первом случае возможны «прочные приобретения»⁹.

Читатель «Вестника Европы» получил первую книжку журнала 1879 г. без «Внутреннего обозрения» — оно попало под нож по настоянию цензуры. Но в том же номере публиковалась статья Полонского «Социальное движение в Германии», где автору удалось высказать не менее крамольное соображение. Он утверждал, что конституционная легализация социалистического движения будет способствовать предотвращению революционного взрыва.

В условиях лорис-меликовского режима «Вестник Европы» мог не только высказывать пожелания видеть в России новые формы общественного содействия власти, но и конкретизировать их. Выполнение этой задачи ложилось теперь на нового обозревателя журнала К.К. Арсеньева (он приступил к исполнению своих обязанностей с 1 марта 1880 г.). В конце 1880 г. он предложил план реформирования государственной власти. Начинать, по его мнению, следовало с губернского уровня. Арсеньев замыслил создание совета при губернаторе, «составленного, отчасти, из элементов общественных, выборных». В случае, если бы этому совету был дан голос не только совещательный, но и «в некоторых случаях решительный, или, по крайней мере, равносильный голосу губернатора», то разрешение возможных разногласий между губернатором и советом должен был взять на себя первый департамент Сената. Как и его предшественник Полонский, Арсеньев мотивировал это предложение необходимостью заменить «разрозненную деятельность» многочисленных губернских учреждений. Одновременно с этим, считал Арсеньев, надлежало реформировать Сенат с целью поднять его «значение и власть» как высшего органа администрации. Из логики рассуждений Арсеньева следовало, что путь к этому был один: введение элемента общественного представительства (1880. № 10. С. 749–752).

В ноябрьском «Внутреннем обозрении» был поднят вопрос и о реорганизации Государственного совета. Арсеньевым предлагалось учреждение в его составе постоянно действующих комиссий экспертов для обсуждения законопроектов. Желательным, с его точки зрения, было бы и наделение законодательных отделений министерств правом призывать общественных экспертов (1880. № 11. С. 373–375).

Арсеньев признавал вынужденно паллиативный характер своих предложений — он мог идти только до «черты, перед которой должна останавливаться на-

ша печать». Но даже в этих пределах, полагал он, могло быть достигнуто «многое, не осуществимое одними официальными средствами».

Идея внедрения в высшие государственные учреждения элементов представительства была, конечно, созвучна устремлениям М.Т. Лорис-Меликова. Связывая большие надежды с его политическим курсом, редактор «Вестника Европы» чрезвычайно высоко оценивал лорис-меликовский «конституционный» проект: если бы он воплотился в реальном законодательном акте, то им был бы «нанесен смертельный удар той черной партии, которая у нас всегда эксплуатировала верховную власть в свою пользу»¹⁰.

Выход из кризиса, созданного убийством 1 марта, виделся «Вестнику Европы» в безостановочной реализации принятой в 1880 г. программы реформ. Требовалось только «расширение, дополнение составленного плана и ускорение мер, направленных к его осуществлению». Намечая необходимые коррективы во «Внутреннем обозрении» апрельского номера 1881 г., Арсеньев сказал и о желательных, с его точки зрения, изменениях, которые должна претерпеть форма совета власти с земством по вопросам дальнейших преобразований. Она не могла ограничиваться рамками губернских земских собраний. В специальном «совещании с земством», где допускался бы «свободный обмен мыслей», следовало заменить «массу бесконечно разнообразных заключений мнениями большинства и меньшинства, основанными на всестороннем обсуждении».

Участие общества в преобразовательной работе не должно было быть «чем-то экстраординарным, случайным». Здесь требовались «прочность, устойчивость». Но Арсеньев не ставил на этом точку. Он говорил далее о растущей потребности в «гарантиях для лиц и учреждений». «Гарантия, — писал Арсеньев, — это уверенность в завтрашнем дне, необходимая в общественной жизни не меньше, чем в частной; это залог правильного бесповоротного развития <...>» (1881. № 4. С. 782). Все эти рассуждения не могли восприниматься иначе, как желание видеть в России не столько центральное земско-совещательное представительство, сколько полнокровное конституционное устройство.

Падение Лорис-Меликова и крах его «конституционных» намерений не вызвали большой паники в «Вестнике Европы». Тот факт, что новый министр внутренних дел Н.П. Игнатьев обратился к практике приглашения «сведущих людей» для обсуждения ряда важных проблем (понижение выкупных платежей, питейный и переселенческий вопросы), создание Кахановской комиссии вселяли определенный оптимизм. В ноябрьском «Внутреннем обозрении» 1881 г. Арсеньев с удовлетворением констатировал: «Призыв "сведущих людей" для предварительного обсуждения законодательных вопросов входит у нас, по-видимому, в обычай» (1881. № 11. С. 354). Мало того, он высказывал пожелание, чтобы «система, лежащая в основании "совещаний"», была использована для обсуждения всех важнейших правительственных законопроектов.

Не менее важным, чем расширение совещательной системы, представлялся Арсеньеву переход от приглашения «сведущих людей» к их избранию. В этом случае они являли бы собой нечто большее, чем «совокупность личных единичных мнений», а их совещания были бы избавлены от «односторонности», «одноцветности», «возможности предрешения вопросов, подлежащих обсуждению». Перед тем как земство изберет «сведущих людей», действующие земские собрания должны быть распущены, а затем избраны новые. Такая мера, по мнению Арсеньева, была необходима для обеспечения большей полноты избирательных съездов и оживления земской деятельности. Арсеньев полагал, что избрание «све-

дущих людей» следовало проводить не на губернских земских собраниях, где был велик удельный вес личных землевладельцев, а на уездных или специальных губернских собраниях уполномоченных, среди которых должны были обязательно присутствовать крестьяне (там же, с. 358–362).

Конституционализм «Вестника Европы» находил подпитку не только в готовности тех или иных государственных деятелей развивать начало законосовещательного представительства. Достаточно серьезной опорой позиции журнала стало земско-либеральное движение рубежа 1870–1880-х гг., приобретавшее очевидный конституционный характер. Весной 1882 г. (во всяком случае до отставки Н.П. Игнатьева, т. е. до конца мая) Арсеньев был уверен в том, что если правительство пойдет навстречу земским ходатайствам и созовет собрание уполномоченных от всех земств империи, дело закончится «сочинительством», т. е. конституцией в полном смысле этого слова (1882. № 4. С. 807–808).

В свете такой, совсем не казавшейся фантастической перспективы особое значение для «Вестника Европы» приобретал вопрос о составе политического представительства. В самой тесной связи с ним находилась и проблема установления избирательного механизма. Арсеньев продолжал настаивать на том, что губернские земские собрания в настоящем их составе не могут быть «истинным, полным представительством губернии». «Пускай будут призваны на совещание избранники губернских собраний, — писал он, — но не они одни, а вместе с ними уполномоченные от уездов; пускай будет изменен для выборов состав губернских собраний; пускай будут образованы особые избирательные коллегии, представляющие собою, в правильной пропорции, все составные элементы земства» (1882. № 3. С. 374–375).

Начало работы Кахановской комиссии, в состав которой также предполагалось приглашение «местных сведущих людей», давало Арсеньеву дополнительный повод для возвращения к вопросу о порядке их избрания. В данном случае он полемизировал со сторонниками созыва совещания от сословий. Такой способ формирования отвергался Арсеньевым прежде всего потому, что «при нем наименее вероятен полный, всесторонний ответ крестьян» (1882. № 6. С. 810). К тому же дворянство как сословие было, по его мнению, не заинтересовано в успехе уже предпринятых и предстоявших в ближайшем будущем преобразований. Городовое положение 1870 г. прекратило существование городского сословия как сословия.

В сущности, речь шла уже о типе будущего конституционного устройства России, его демократичности или недемократичности, поэтому Арсеньев должен был прямо сказать об отношении «Вестника Европы» к имущественному и образовательному цензу в избирательном праве. В ответ на обвинения «русской либеральной партии» в стремлении захватить с помощью ценза власть над народом, которые прозвучали в народнической «Неделе», Арсеньев писал, что исповедывавшийся им либерализм не имел ничего общего с «господчиной», «односторонним охранением буржуазных интересов». В его понимании общественная свобода не должна была вести к «господству общества над народом». «Работа, предстоящая России, — писал Арсеньев, — должна быть предпринята не только для народа, но и с участием народа» (1882. № 4. С. 809). Отвергая в принципе имущественный ценз, Арсеньев в то же время рассматривал образовательный ценз «как одно из оснований, а не как необходимое условие избирательного права» (1882. № 3. С. 448).

Свой демократический конституционализм ведущему публицисту «Вестника Европы» приходилось защищать в борьбе с такими ревнителями неограниченной монархии, как М.Н. Катков и И.С. Аксаков. Упрек того и другого в том, что либералы пытаются навязать русскому народу совершенно не свойственную ему политическую форму, Арсеньев решительно отводил, признавая необходимость уйти в деле конституционного строительства от «слепого подражания». Государственное устройство, подчеркивал он, должно соответствовать «условиям времени и места». Либерализм выкажет свою несостоятельность, если проигнорирует национальную самобытность. Но либеральное понимание самобытности не имело ничего общего с догматизмом «националов», как называл Аксакова и Каткова Арсеньев. Либералы были готовы учесть национально-исторические особенности, но отказывались рассматривать их как нечто неизменяемое и охранять их во что бы то ни стало. «В глазах националов, — писал Арсеньев, — народные особенности — майорат, получаемый каждым поколением под условием передачи его следующему во всей его неприкосновенности, разве с приростом. Абсолютная косность в государственной жизни столь же немислима, как и в природе <...>» (1882. № 5. С. 367).

В рядах противников журнала находились не только идейные вожди консерваторов. Фронт полемики расширялся за счет оппонентов из реформистско-народнического и даже либерального лагеря. Аргументы, выставленные в споре с ними также важны для понимания того, что составляло суть и особенности мотивации «Вестника Европы» в пользу политической реформы.

Если начинать с либеральных противников, то самый авторитетный и, пожалуй, единственный — К.Д. Кавелин — ревизовал конституционную линию «Вестника Европы» изнутри, являясь постоянным автором журнала и одним из тех немногих людей, без которых нельзя было представить дружеский круг М.М. Стасюлевича. Редакция была вынуждена искать контрдоводы глубокому убеждению Кавелина в том, что в России еще не вызрели необходимые для коренного изменения политического строя культурные предпосылки. Спор с Кавелиным, разгоревшийся в конце 1881 г., взял на себя, судя по всему, сам редактор журнала (Арсеньев отрицал свое авторство в отношении «Общественных хроник» ноябрьского и декабрьского номеров).

Неубедительность позиции Кавелина заключалась, по мнению Стасюлевича, в том, что, «требуя предварительно высшей культуры», он игнорирует очевидное: «самая важная доля отсталости культурной объясняется отсутствием выгодных условий для ее преуспевания». Нелогично, с точки зрения редактора «Вестника Европы», выглядел Кавелин и тогда, когда говорил о допустимости лишь частичных улучшений законодательства и администрации. Крестьянская реформа, одним из вдохновителей которой был Кавелин, представляла собою как раз пример «коренной реформы», осуществленной несмотря на «весьма низменное положение нашей народной культуры» (1882. № 11. С. 466–467). Стасюлевич напоминал своему другу, что русская деревня, отставая в культурном развитии от города, «давно умеет вести свои дела миром и давно знакома с выборным началом» (1882. № 12. С. 937).

Руководителю «Вестника Европы» было понятно кавелинское настроение отчаяния, которое порождало современное состояние России. Он с полным сочувствием приводил его слова: «нет сил дольше жить в теперешнем разброде и хаосе мыслей и стремлений», но не удержался от того, чтобы сопроводить их иронической репликой. «Может быть, наше предположение и неосновательно, — добав-

лял от себя Стасюлевич, — но нам сдается, что и теперешний разброд и хаос мыслей и стремлений — не имеют ли они для себя аналогический источник в том ходе вещей, при котором мы присутствовали на пространстве более, чем четверть столетия, испытывая на себе частичные улучшения законодательства и администрации» (1882. № 11. С. 467).

Как «Вестник Европы» отражал атаку народнической «Недели», уличавшей либералов-конституционалистов в намерении привести к власти капитал, мы уже знаем. Но позиция журнала не сводилась только к отрицанию такого намерения. Из анонимной рецензии на книгу В. Воронцова «Судьбы капитализма в России» (1882 г.) и ряда других высказываний начала 80-х гг. видно, что либералы, сгруппировавшиеся в нем, готовы были вслед за народниками признать реальной перспективу некапиталистического развития России. Но в политическом прогнозе их мнения диаметрально расходились.

Для Воронцова «отсутствие господствующего капиталистического производства» означало и отсутствие «класса, подобного европейской либеральной буржуазии», а следовательно, европейский конституционный либерализм терял в России свое значение. «Вестник Европы» усматривал в позиции Воронцова серьезное противоречие: признавая сходство целей экономического развития России и Западной Европы (социализм), он в то же время не допускал такового в сфере политической. «В политической жизни, — писал рецензент журнала, — разница условий точно так же не исключает ни схождения целей, ни схождения некоторых средств — схождения, от которого, конечно, еще весьма далеко до тождества» (1882. № 5. С. 421).

Споря с теоретиком умеренного народничества, представитель либеральной стороны не отрицал, что отсутствие буржуазии, «сложившейся по западноевропейскому образцу», может повлиять на ход событий. Но это обстоятельство «не предпрещает еще, само по себе, их направления; один элемент может быть заменен другим, место недостающей силы может заменить другая». И если это не буржуазия, то — внесловная, проникающая нуждами народа интеллигенция. Ее имел в виду рецензент книги Воронцова, ее образ набрасывал А.И. Введенский в заключительной части статьи «Литературные мечтания и действительность. По поводу литературных мнений о народе» (см.: 1882. № 9. С. 165–166).

Последним практическим шагом «правительственного конституционализма», стала, как известно, игнатьевская затея с созывом Земского собора, которая и послужила причиной падения министра внутренних дел. Она не осталась без оценки со стороны «Вестника Европы». Желание Н.П. Игнатьева видеть в Земском соборе «русскую самобытную конституцию, которой позавидовали бы в Европе и которая заставила бы умолкнуть наших псевдолибералов и нигилистов», не было, конечно, секретом для редакции журнала. Арсеньев безошибочно отмечал близость Игнатьева к консервативному течению правительственной политики. Ни в способе формирования Собора, ни в характере вопросов, подлежавших его обсуждению, он не находил чего-либо «существенно важного, существенно отличного от прежних экспериментов того же рода» (1882. № 7. С. 314).

Каким бы ущербным ни представлялся в глазах конституционалистов «Вестника Европы» игнатьевский план, в случае его осуществления оставалась хоть какая-то надежда на постепенное развитие представительных начал. Появление на посту министра внутренних дел Д.А. Толстого хоронило эту надежду. Уже слухи об отставке Н.П. Игнатьева не на шутку встревожили Стасюлевича, о чем говорит его решение высказаться по поводу перемен, происходивших в политике власти

после 1 марта 1881 г., минуя цензуру. Брошюра Стасюлевича «Черный передел реформ Александра II», анонимно напечатанная в Берлине, состояла из двух писем. Первое датировалось 28 мая (9 июня) 1882 г. (т. е. было написано за два дня до отставки Игнатъева), второе — 30 июня (12 июля) того же года. Существенно дополняющее подцензурную публицистику «Вестника Европы» по конституционному вопросу, это произведение, конечно же, не может быть оставлено без внимания.

Видя, что с назначением Д.А. Толстого исчезают даже самые призрачные шансы на уступки власти, которые хотя бы на шаг приближали Россию к конституции, Стасюлевич бросал всем противникам «конституционной лжи» последний и, пожалуй, наиболее веский полемический довод — свое понимание «конституционной правды». Оно, конечно, не могло быть сформулировано на страницах журнала. А правда, на взгляд Стасюлевича, состояла в том, что самодержавие на протяжении всей своей истории являлось «конституционным», ибо было ограничено. «До сих пор, — пояснял он свой тезис, — у нас конституция была всегда личная: так, мы имели в этом столетии конституцию бенкендорфскую, шуваловскую, валуевскую, даже тимашевскую, наконец, лорис-меликовскую и игнатъевскую, которая <...> сменилась толстовскою, не говоря о прочих, более мелких конституциях. Самодержавие при этом оставалось неограниченным только в том смысле, что оно не могло быть ограничено ничем, кроме известной клики <...> Таким образом, у нас дело идет теперь вовсе не о введении конституции — конституцию мы всегда имели, имеем и будем иметь <...>»¹¹. Потому-то самодержавие и оказывалось не в состоянии ограничить себя законом, что перманентно находилось в плену то у одной, то у другой «придворно-бюрократическо-военной партии».

«Положение наше одно из самых критических» — так характеризовал Стасюлевич ситуацию, сложившуюся в России к середине 1882 г. Еще можно было воспринимать как «явление временное и переходное» тот факт, что верховная власть «держит народ и его общество в осадном положении», но безнадежным и абсурдным выглядело нахождение в осадном положении самой верховной власти. Всякий благоразумный человек мог желать только одного: выхода из «поистине чудовищного положения вещей», избавления от той «конституции», которая была продиктована верховной властью 30 мая 1882 г. Стасюлевич называл единственную альтернативу «нашей современной анархии» — «истинную» конституцию. В ее рамках «народ и верховная власть, эти два священнейшие предмета, взятые вместе, вполне самодержавны, и кроме взаимного ограничения, не знают никакого другого»¹². Здесь не должно быть места ограничению верховной власти «придворной кликой и ее многоголовым чербером — бюрократией». «Полная» конституция предполагает правительство, ответственное перед страной.

Смысл пожелания Стасюлевича был предельно ясен. Но редактор «Вестника Европы» не мог сказать ничего определенного об условиях и способах его преобразования в жизнь. Оставалось только уповать на привычные для России виды панацеи — время и случай.

Итак, политическим идеалом либералов «Вестника Европы» была парламентская монархия с ее обязательным атрибутом в виде «ответственного министерства». Будущее государственное устройство России должно было базироваться на всеобщем избирательном праве, которое рассматривалось как средство недопущения политического верховенства дворянства или буржуазии. Однако этот образ будущей конституционной России неизбежно корректировался пореформенными реалиями. Единственной осязаемой опорой надеждам на установление правового

порядка в 60–70-е гг. мог быть только правительственный конституционализм, и «Вестник Европы» в этот период близок ему, пропагандируя идею слияния коронной и земской властей. Не без влияния активизировавшегося к концу 70-х гг. революционного и земско-оппозиционного движения журнал начинает рассматривать центральное земское представительство уже не как форму сотрудничества с властью, а как инструмент возможного ограничения самодержавия. Однако, как и прежде, публицисты «Вестника Европы» находят правильным оставить конституционную инициативу в руках беспощадно критикуемой ими же верховной власти.

Примечания

1. См.: *Китаев В.А.* Конституционный вопрос в журнале «Вестник Европы»: европейский аспект (конец 60-х – начало 70-х гг. XIX в.) // Вестник ННГУ им. Н.И.Лобачевского. Серия: История. Вып. 1. Н. Новгород, 2002. С. 62–68.
2. Вестник Европы. 1872. № 5. С. 357–358 (в дальнейшем ссылки на журнал даются в тексте).
3. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. № 86. Л. 154–155.
4. Подробнее об этом см.: *Кузнецов О.В.* Р.А.Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 60–70.
5. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. № 87. Л. 5.
6. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. II. СПб., 1912. С. 189.
7. Там же. С. 200–202.
8. См.: *Петров Ф.А.* Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века // Отечественная история. 1993. № 4. С. 35.
9. См.: М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. I. СПб., 1911. С. 464–482.
10. [*Стасюлевич М.М.*] Черный передел реформ императора Александра II. Berlin, 1882. С. 15.
11. Там же. С. 71–72.
12. Там же. С. 82.